

П. Чайковский
ЧЕРЕВИЧКИ

Р. Tchaikovsky
THE SLIPPERS

Р. Tchaïkovski
LES SOULIERS DE LA REINE





USSR RECORDS FIRM „MELODIYA“

«ЧЕРЕВИЧКИ»
Опера П. И. Чайковского

Опера на сюжет знаменитой повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» первоначально была заказана дирекцией Петербургского отделения Русского Музыкального Общества композитору А. Н. Серову. Но в 1871 году Серов скоропостижно скончался, не успев осуществить свой замысел.

Желая почтить память композитора, дирекция Русского Музыкального Общества объявила конкурс его имени на написание оперы «Кузнец Вакула» по Гоголю. Либретто было создано специально для конкурса поэтом Я. П. Полонским. В жюри входили Н. Римский-Корсаков, Н. Рубинштейн, Э. Направник, Г. Ларош, Н. Азанчевский и другие авторитетные музыкальные деятели.

В августе 1874 года жюри рассмотрело семь опер «Кузнеца Вакулы», представленных на конкурс различными композиторами, и единогласно присудило первую и вторую премии произведению молодого, но уже известного автора—Петра Ильича Чайковского. Это была четвертая опера великого оперного драматурга.

В 1885 году, уже будучи зрелым мастером, автором «Евгения Онегина» (1877), «Орлеанской девы» (1879) и «Мазепы» (1883), Чайковский вернулся к «Кузнецу Вакуле», пересмотрел партитуру оперы, внес значительные изменения в гармонию, инструментовку, речитативы, добавил несколько сцен, как лирических (дуэт Оксаны и Вакулы во второй картине), так и комедийных (песенки школьного учителя). В этой окончательной редакции, получившей название «Черевички», опера Чайковского и утвердилась на русской оперной сцене.

Премьера ее состоялась в Московском Большом театре 19 января 1887 года. Дирижировал, ввиду болезни дирижера Альтани, автор, и это выступление положило начало дирижерской деятельности Чайковского.

Чайковскому оказалась особенно близка гоголевская лирика, тема юной любви, преодолевающей все препятствия. Менее привлекательна его фантастика: сцены Солохи с Бесом, волшебного полета Вакулы на черте, всевозможные сказочные приключения раскрываются в опере музыкой жанрово-бытового плана, сближаясь со сценами народных игр и обрядов. Так, дуэт Солохи и Беса из первого действия («Оседлаю помело») звучит как живой украинский гопак, и на этой же музыке строится оркестровый эпизод волшебного полета Вакулы к царнице; плач русалок напоминает народное девичье причитание. Композитор тактично включает в свою музыку интонации и ритмы украинских песен и танцев, и это придает характерный национальный колорит всей опере.

УВЕРТЮРА

Увертюра строится на темах, характеризующих образы главных героев оперы и ее идею: светлые силы любви и народной мудрости одерживают победу над проделками хитрого и злого беса.

Первые фразы увертюры заимствованы из оркестрового заключения арии Оксаны (первое действие). Композитор словно подчеркивает этим главную причину разыгравшихся событий — каприз своенравной красавицы. Лирику Оксаны сменяет величественное звучание широкой ясной мелодии, близкой украинской песенности. Она появится в заключительной сцене оперы, когда гусяры и народный хор будут поздравлять молодых. В увертюре она является музыкальным фоном разворачивающихся событий — быт украинского села.

В быстрой части увертюры (Allegro) сталкивается причудливая, беспокойная музыка (проказы черта, нарушающие покой и уют мирных людей) с широкой, взволнованной мелодией — темой страстной любви кузнеца Вакулы к своенравной красавице Оксане.

Симфоническое развитие и напряженная борьба этих тем приводят к радостному торжественному заключению (коде), где снова — теперь уже победно, как светлый гимн счастью — звучит мелодия заключительного хора.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Оркестровое вступление построено на мелодии протяжной песни Солохи. Музыка рисует поэтическую картину ясной зимней ночи.

Солоха — мать кузнеца Вакулы и, как утверждают односельчане, ведьма, мечтает погулять (песня «Ой, как светит месяц ясный»). Подкрадывается Бес и, внезапно выглядывая, пугает Солоху, но затем они мило и любезно беседуют. Юмористическая сцена, в которой Бес сначала поддразнивает молодящуюся сельскую чаровницу, а затем узнает в ней старую знакомую, завершается веселым дуэтом-гопаком «Оседлаю помело». Бес и Солоха сговариваются вместе полетать по небу, повеселиться в эту предпраздничную ночь.

Солоха убегает в хату, а Бес вспоминает старую обиду, нанесенную ему сыном Солохи, кузнецом и художником Вакулой: он намалевал в церкви его фигуру, да так отвратительно, что все черти над ним смеются. Чтобы отомстить Вакуле, Бес вызывает вьюгу; теперь старый Чуб не сможет уйти в гости и останется дома с дочкой Оксаной, а Вакулу, который влюблен в Оксану и захочет навесить ее под праздник, пьяный Чуб непременно отколотит. Звучит заклинание Беса, его обращение к силам природы «Гей, вы, ветры буйные», напоминающее бесшабашную разбойничью песню.

Начинается вьюга. Музыка изображает завывание ветра. Одновременно широко звучит мелодия бесовского заклинания, подхватываемая оркестром и хором адских духов. При звуках дуэта Беса и Солохи из трубы вылетает ведьма на помеле и несется по небу. Присоединившийся к ней Бес похищает месяц. Теперь пьяный Чуб и Панас, которые идут в гости, никак не могут найти дорогу. Их голоса слышатся среди завывания ветра. Снежный вихрь заполняет всю сцену.

Картина вторая

Красавица Оксана, дочь Чуба, одна дома у празднично накрытого стола ждет гостей. В оркестре слышны отзвуки вьюги. Оксана грустит, что отец ушел из дому в такую непогоду. Она поет протяжную задумчивую песню «Цвела яблонька в садочке», напоминающую украинскую «думку». Девушка берет зеркальце, начинает любоваться собой. («У кого такие очи, у кого такие косы?») и не замечает, как входит кузнец Вакула, который с нежностью смотрит на свою любимую. Оксана неприветлива с кузнецом, резко обрывает его его любовные речи, насмехается над ним. В взволнованном, пылком ариозо Вакула признается Оксане в своем чувстве. Мелодия его ариозо («О, что мне мать, что мне отец») уже звучала в увертюре к опере — в дальнейшем она встретится еще не раз как музыкальное выражение его горячей и страстной любви.

Внезапно в хату вваливается совершенно пьяный Чуб. Вакула, не узнав хозяина, выгоняет его на улицу. Оксана, обиженная за отца, гонит Вакулу прочь. С притворным пылом рассказывает она, как любит другого. В драматическом дуэте Вакула выражает всю боль своей души, Оксана же продолжает дразнить его. Издали слышна песня гуляющих парубков и девчат. Проклиная коварную красавицу, Вакула убегает. Собравшаяся молодежь зовет Оксану колядовать, но Оксана отказывается. Оставшись одна, она признается себе, что любит Вакулу, но не умеет приглубить его, а только мучает и смеется.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Музыкальное вступление, напоминающее причудливое живое скерцо, вводит в атмосферу забавных и удивительных событий второго действия.

Ведьма и Бес вернулись из полета и через печную трубу проникли в хату Солохи. Первые ее фразы еще содержат ритм скачки-полета, но затем сварливая ведьма начинает браниться, досадуя и на ветер, унесший ее помело, и на докучливого Беса.

В заключение сцены оба, Солоха с Бесом, лихо отплясывают гопак (музыка этого танца уже звучала в быстром разделе увертюры), а из-за печки появляются мелкие бесенята, играющие на различных инструментах. В хате все преобразается: на стенах появляются фантастические рожи, пляшут даже горшки на полках и всякая домашняя утварь.

Неожиданно слышен стук в дверь. Пляска обрывается. Спрятав Беса в мешок, Солоха открывает пану Голове. Голова обрисован степенными, неторопливыми интонациями. В тон ему отвечает и Солоха, стараясь играть перед ним роль скромной бедной вдовы. Только отведав солохиной перцовки, Голова оживляется, начинает приплясывать, а речь его принимает характер буффонной скороговорки.

Снова стучат в дверь. Школьный учитель из бурсаков, похожий скорее на дьячка, также пришел к любвеобильной Солохе. Его появление отмечено в оркестре комичным мотивом из однообразно повторяющегося звука и интонации, напоминающей вздох. Такое сочетание назойливости и трусливости отлично рас-

крывает сущность нового «вдыхателя» Солохи. Учитель поет специально сочиненные для Солохи куплеты «Баба к бесу привязалась», построенные частично на интонациях церковного распева, противоречащего любовному содержанию (этим достигается комический эффект).

Но не успел он донести свои куплеты, как снова слышится стук в дверь. Страшно перепуганного учителя пришлось также запихнуть в мешок из-под угла.

На этот раз приходит гость, милый сердцу Солохи. Это — Чуб, отец капризной Оксаны. Радостно хлопочет Солоха, угощая его, уверяет, что весь вечер только его и ждала. Но новый стук в дверь обрывает их разговор и вынуждает Чуба проследовать в мешок за школьным учителем.

«Мамо, отомкни!» — слышится голос Вакулы. Начинается суетливый комический квинтет. Из мешков поочередно высовываются головы поклонников Солохи, все жалуются, боятся. Бес потешается над всеми, Солоха заставляет их прятаться и не шуметь.

Входит грустный Вакула, полный мыслей об Оксане. В оркестре звучат нежные интонации темы его любви.

— «Я думала, ты в кузнице ночуешь» — говорит Солоха, чтобы выйти из затруднительного положения.

Вакула не возражает и собирается в кузницу, решая прихватить свои мешки с углем, разбросанные по хате. Но он с удивлением замечает, что мешки стали очень тяжелыми. Неужели он потерял свою богатырскую силу? Или это несчастная любовь довела его до такого состояния?

Картину завершает выразительное, полное горестного чувства ариозо Вакулы, состоящее из двух разделов, которые чередуются дважды: широкой элегической мелодии («Ах, мне постыл и дом родимый») и эпизода более речитативного («На что похож я стал»), с легким и изящным, словно скерциозным, аккомпанементом. С мешками на спине Вакула уходит из хаты.

Картина вторая

А в селе всю ночь звучат песни — колят парубки и девчата. К их звонким песням прислушиваются старики. Молодежь шумной ватагой заполняет улицу. Появляется Оксана. Она поет веселую игривую песенку, в которой старается задеть Вакулу. В это время появляется и сам кузнец с мешками. Оксана любит новыми черевичками одной из девушек. Вакула обещает ей достать еще лучше. Тогда, издеваясь над ним, девушка требует, чтобы он достал ей «такие черевички, которые сама царица носит». Призывая всех в свидетели, Оксана дает слово, что при этом условии она согласится стать женой кузнеца. Маленькое ариозо Оксаны сменяется общим смехом, шутками, играми. Один Вакула горестно стоит посреди улицы, положив мешки и машинально держа только самый маленький мешочек, в котором сидит Бес.

Подбегая к кузнецу, Оксана поет бойкую плясовую песенку «Черевички-невелички». Хор девушек и парубков дружно подпевает ей. Вокруг Вакулы пляшет и хохочет праздничная толпа веселящейся молодежи. Наконец, юноша не выдерживает насмешек. Обращаясь к Оксане с речью, полной горьких упреков, он прощается с ней, прощается с жизнью. Дуэт Вакулы и Оксаны строится на остром контрасте между их характеристиками. Беззаботные реплики Оксаны и патетическая речь кузнеца сливаются в одно музыкальное целое.

Вакула уходит, а молодежь развязывает оставшиеся на дороге мешки, думая найти в них что-нибудь вкусное. Каково же общее изумление, когда из мешков показывается Чуб, школьный учитель и сам пан Голова.

— А славную сыграл я с вами шутку! — восклицает нерастерявшийся Чуб.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Музыка рисует праздничный, фантастический зимний пейзаж. Берег скованной льдом реки. Тяжелые косматые лапы елей. Серебристый иней разукрасил все

вокруг. Но природа живет своей волшебной сказочной жизнью. Из полыньи доносится жалобное пение. «Темно нам, темно, темненько» — это горюют подолгом печальные русалки. Их стонущие голоса грубо обрывает старый леший, но русалки не унимаются.

Сюда, к самому отцу забрел Вакула с маленьким мешочком за спиной. Сердце его полно горя и отчаяния.

Вакула решает утопиться и, прощаясь мысленно с Оксаной, поет печальную арию-думу «Слышит ли, девица, сердце твое», очень близкую протяжным украинским песням. Его словам отвечает лишь далекое эхо.

Внезапно из мешка выскакивает Бес, который предлагает Вакуле отдать черту душу за Оксану. Вакула притворно соглашается, но побеждает Беса (схватив, крестит его) и заставляет служить себе. Бес согласен на все, и Вакула приказывает ему везти себя в Петербург за царскими черевичками.

Музыка, которая сопровождает фантастический полет Вакулы верхом на Бесе, представляет собой живой, стремительный гопак, в котором симфонически развивается тема «Оседлаю помело» из 1-й картины 1-го действия оперы.

Картина вторая

Приемная в царском дворце. Группа запорожцев должна сегодня быть представлена Екатерине II. Сюда привозит Вакулу Бес, внушающий запорожцам мысль взять кузнеца с собой. Дежурный распорядитель приглашает всех в зал.

Картина третья

Придворный бал в полном разгаре. Гремит блестящий эффектный полонез. Следует выход запорожцев и Вакулы, появление Светлейшего и сообщение о победе. Поэт преподносит Светлейшему оду, которую тот читает гостям. Написанная в духе куплетов XVIII века, ода сменяется тонким, изящным менуэтом. Во время менуэта запорожцы представлены Светлейшему (в некоторых постановках в этой сцене фигурирует сама Екатерина II, ей передана вокальная партия Светлейшего во время диалога, с запорожцами). Вакула выпрашивает «черевички, которые носит сама царица», и получает их в подарок. Следуют живые, веселые танцы — сначала русский, затем пляска запорожцев (украинский гопак).

Распорядитель сообщает о начале придворного спектакля «Царевич Хлор или роза без шипов». Гости спешат в театральный зал. Вакула бежит к появившемуся Бесу и, спрятав за пазуху черевички, верхом на черте мчится назад в Диканьку, пока не наступило утро.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ясное, светлое утро. Площадь перед церковью в Диканьке полна народа. Все веселы, только две женщины в шумной праздничной толпе не находят себе места. Это мать Вакулы Солоха и красавица Оксана. Обе они взволнованы и испуганы исчезновением кузнеца.

Солоха плачет и причитает: «Ах, ты мое дитятко, золотое яблочко!». Не менее бурно отчаивается и Оксана: «День мне не в день, праздник не в праздник, радость не в радость!» Обе они считают Вакулу погибшим, голоса их сливаются в горестном дуэте, напоминающем народные причитания.

Парубки и девушки подходят к Оксане с поздравлениями, но красавица безутешна в своем горе. В разгар народной сцены появляется Вакула. Он обращается к Чубу, просит у него прощения и умоляет отдать за него Оксану. Все кончается общим согласием, только Оксана очень смущена при виде черевичек с царских ножек. «Не надо мне, не надо! — восклицает она — я без них и...». Хор кобзарей, а затем и весь народ славят молодых, воспевают победу молодости, любви и счастья. (Тема этого хора уже звучала в увертюре).

"TCHEREVICHKI" ("THE SLIPPERS")

Opera by P. I. Tchaikovsky

Commissioned by the St. Petersburg branch of the Russian Music Society to write an opera based on Gogol's famous story "Christmas Eve", A. N. Serov, an eminent Russian composer, failed to carry out the assignment due to his sudden death in 1871.

In his memory, the Society announced a contest of his name for an opera entitled "Smith Vakula", after the above story. A libretto by Ya. P. Polonsky was written specially for the contest. The jury included N. Rimsky-Korsakov, N. Rubinstein, E. Napravnik, G. Laroche, N. Azanchevsky and other well-known musicians, composers and music critics.

Seven operas were entered, and in August 1874, the first and second prizes (simultaneously) were unanimously adjudged to the young but already well-known composer Pyotr Tchaikovsky.

In 1885, already a mature master, with three operas to his credit — "Eugene Onegin" (1877), "The Maid of Orléans" (1879) and "Mazeppa" (1883) — Tchaikovsky went back to his "Smith Vakula", considerably revised the score, introducing major changes in harmony and orchestration, and added several lyrical and comedy episodes, among them the duet of Oksana and Vakula in Scene Two, and the schoolteacher's song. The resultant opera was named "Tcherevichki" ("The Slippers"), and its première held at the Bolshoi Theatre in Moscow on January 19, 1887. Due to the illness of conductor Altani, the author himself took the baton. This set the beginning for Tchaikovsky's activity as a conductor.

More than Gogol's fantasy, it was his lyricism — the theme of love that overcomes all obstacles — that appealed to the composer.

The scenes of Solokha and the Devil, Vakula's magic ride astride the Devil and all the fairy-tale adventures in the opera are conveyed through genre music, close to that of folk games and rites. Thus, the duet of Solokha and the Devil from Act I ("I'll Straddle My Broom") is very much like a Ukrainian hopak. On this theme too is based the orchestral episode of Vakula's magic flight to the queen; the weeping of the mermaids is reminiscent of girls' folk laments. The composer has imbued his music with intonations and rhythms of Ukrainian folk songs and dances, thus lending a national colour to the entire opera.

OVERTURE

The overture consists of themes delineating the principal characters of the opera and its underlying idea.

The first phrases of the overture have been taken from the orchestral finale of Oksana's aria (Act I). The composer here obviously wished to emphasize the causes for the ensuing events — the whim of a wilful beauty. Oksana's lyric theme gives way to a majestic, broad and clear melody close to a Ukrainian folk melody. It will also appear in the closing scene of the opera, when psaltery players and folk chorus greet the young couple. The overture draws a picture of life in a Ukrainian village.

The rapid part of the overture (Allegro) — a fanciful, restless music (pranks of the Devil violating the cosy, quiet life of peaceful villagers) comes up against a broad, emotional melody — the theme of Vakula's ardent love for the wilful and pretty Oksana.

The tense struggle between these two themes leads to a joyous, festive finale (coda), where the melody of the concluding chorus is like a victorious paean to happiness.

ACT I

Scene One

The orchestral introduction is based on the melody of the long-drawn-out song of Solokha. The music draws a poetic picture of a clear winter night.

Solokha is the mother of the smith Vakula and according to her fellow villagers a witch who loves to have a good time (song: "Oi, How Bright the Moon").

Sneaking up to Solokha, the Devil scares her, then they chat amiably. The humorous episode in which the Devil at first teases the handsome village heart-breaker, and then recognizes in her an old friend, is concluded by a gay duet-hopak: "I'll Straddle My Broom". The Devil and Solokha arrange to ride through the sky together on this night before Christmas.

Solokha runs into her cottage, while the Devil recalls an old grudge he bears Solokha's son, a smith and village artist, Vakula. Vakula has painted a picture of the Devil in the village church and has made him so unseemly that the Satan has become the laughing stock of all the goblins. To punish him the Devil raises a snowstorm. Now old Chub will have to stay at home with his daughter Oksana. He will surely get drunk and beat up the smith when the latter comes to visit his sweetheart Oksana on the holiday evening. The Devil's invocation to the forces of nature "Hey, Ye, Violent Winds", is like a reckless brigand song.

The snowstorm sets in. The music depicts the howling of the wind. At the same time sounds the broad melody of the Devil's invocation, caught up by the orchestra and the chorus of evil spirits. A witch astride her broom flies out of the smoke-stack, the Devil follows her, stealing the Moon on the way. The village is plunged in darkness. Topsy Chub and Panas lose their way. Their voices are heard amidst the howling of the wind.

Scene Two

Pretty Oksana is all alone in the house, sitting at the festively set table, awaiting her friends. Oksana is worried about her father who has gone visiting in this terrible storm. She sings a melancholy song: "An Apple-Tree Bloomed in the Orchard", reminiscent of a Ukrainian folk "dumka". The girl picks up her mirror and begins to admire herself ("What Eyes, What Braids!"). She does not hear Vakula come in. The smith gazes tenderly at Oksana. But the girl speaks coldly and curtly to him, and mockingly checks his avowals of love. Vakula's arioso is a passionate confession of love. Its melody ("you are dearer to me than Mother and Father") has already been heard in the Overture and will be met with in the future many times as a musical expression of the young man's ardent feeling.

Suddenly, Chub, by now completely drunk, bursts into the cottage. Failing to recognize him, Vakula tries to push him out into the street. Oksana is offended by his treatment of her father, and drives the young man away. With feigned ardour she tells him that she is in love with someone else. In a dramatic duet Vakula expresses his suffering, while Oksana keeps teasing him. In the distance young men and girls are heard singing. Cursing his sad lot and the cruel beauty, Vakula runs away. The young people invite Oksana to come and sing carols with them. Oksana refuses. Left alone, she confesses to herself that she loves Vakula but cannot help teasing and torturing him.

ACT II

Scene One

The introduction, a fanciful, lively scherzo, prepares the ground for the amusing and wonderful events of Act II.

Returning from their flight, Solokha and the Devil get into the cottage through the smoke-stack. In Solokha's first phrases is still heard the rhythm of the flight; then she begins to curse the storm that has carried away her broom, and the importunate Devil.

In the end the two plunge into a gay hopak (the music of the dance sounded in the rapid part of the Overture). Little goblins appear from behind the stove; they play different instruments and the cottage becomes completely transformed. Fantastic shapes appear on the walls, even the pots and pans on the shelves and the other household utensils begin to dance.

Suddenly knocking is heard. The dance is broken off. Hiding the Devil in a coal sack, Solokha opens the door to the village mayor. The mayor is characterized by sedate, unhurried intonations. Solokha answers him in tune, playing the part of a poor and modest widow. Only after tasting some of Solokha's homemade wine does the mayor liven up; he begins to dance and his speech acquires buffoon intonations.

Again knocking is heard. This time it is the village schoolteacher, who looks very much like a sexton. He too is enamoured of the buxom Solokha. His appearance is marked by a humorous melody in the orchestra, monotonously repeated sounds and intonations reminiscent of a sigh. This combination of irksomeness and cowardice excellently conveys the essence of Solokha's new admirer. The teacher sings couplets especially composed for Solokha: "A Wench Has Stuck to the Devil", based partially on intonations of a church melody which is in sharp contrast to their love content (thus a comical effect is achieved).

Before he has time to finish his couplets, knocking is heard again. The teacher, scared out of his wits, is also pushed into a coal sack.

This time the guest is one that is dear to Solokha's heart. This is Chub, Oksana's father. Happy to see him, Solokha offers him refreshments and assures him that she has been waiting for him alone the whole evening. But a knock at the door interrupts their conversation and Chub follows the teacher into a sack.

"Open, mother!" Vakula cries. A comical, confused quintet ensues: Solokha's alarmed admirers stick out their heads from the sacks, one after the other. The Devil enjoys the scene, while Solokha tries to pacify her guests.

Vakula, depressed and with no thought for anything but Oksana, enters (tender intonations of the love theme are heard in the orchestra).

"I thought you would stay at the smithy," Solokha says, to find a way out of the embarrassing situation. Vakula agrees to go there and decides to take the coal sacks, scattered around the cottage, along with him. He is surprised to find them so heavy. His unhappy love must have deprived him of his strength, Vakula thinks.

The scene is concluded by Vakula's *arioso* imbued with deep feeling, its two parts alternating and repeated twice: a broad elegiac melody "Akh, Even My Home Is Not Dear to Me" and a recitative ("What Has Become of Me"), with a light and graceful accompaniment in the form of a scherzo. Having the sacks on his back Vakula leaves the cottage.

Scene Two

Songs ring in the village the night through — young people are singing carols. Old men and women listen with pleasure. In a noisy throng the boys and girls pour into the street. Oksana appears. She sings a gay song, again teasing Vakula. The smith, carrying the sacks, appears. Oksana is admiring the new slippers one of her friends is wearing. Vakula promises to get her a much nicer pair. Mocking him, the girl demands that he get her "slippers worn by the queen herself," and calling her friends to witness, pledges to marry the smith if he does. Oksana's brief *arioso* gives way to general laughter, jests and games. Despondent, Vakula remains standing in the middle of the street, surrounded by his sacks. Only the small sack with the Devil in it is on his back.

Oksana runs up to him and sings a merry dance song "Little Slippers". The boys and girls join in the song. The gay crowd laugh and dance around Vakula.

Not able to stand the jeering, Vakula bitterly reproaches Oksana for her cruelty and bids her farewell. He has decided to part with life. Duet of Vakula and Oksana is based on the sharp contrast of their characters. Oksana's carefree remarks and the smith's melancholy speech merge into one musical whole.

Vakula exits, the young people untie the sacks he has left, expecting to find something good in them. Great is their amazement when Chub, the schoolteacher and the mayor himself crawl out of them.

"That's a fine joke I've played on you!" the resourceful Chub exclaims.

ACT III

Scene One

The music paints a festive, fantastic winter scene. The bank of an ice-bound river, shaggy fir-trees heavy with sparkling snow. Everything is aglow with hoarfrost. Nature lives its own, fantastic life. Mermaids are heard singing sadly from under the ice on the river. Their wailing is rudely cut short by the old wood-goblin. But the mermaids continue with their song.

Vakula has made his way to the dark pool with his small sack on his back. His heart is filled with grief and despair. He wants to drown himself and, mentally taking leave of Oksana, he sings a melancholy aria: "Does your heart hear me, sweet maiden?", very close to melancholy Ukrainian folk songs. His words are responded by a distant echo.

Suddenly the Devil jumps out of the sack and proposes that Vakula sell his soul to Satan. Vakula pretends to agree, but catching the Devil by its tail, makes the sign of the cross over him. Now the Devil is in his power. Vakula orders to be taken to St. Petersburg and helped to get the queen's slippers.

The music accompanying Vakula's fantastic flight astride the Devil is a lively impetuous hopak, in which the theme of "I'll Straddle My Broom", from Scene One (Act I) has been developed symphonically.

Scene Two

Reception room in the royal palace. A group of Zaporozhye Cossacks are waiting to be presented to Queen Catherine II. The Devil has brought Vakula to the palace. He suggests that the Cossacks take Vakula to see the queen.

Scene Three

A ball is in progress at the palace. Strains of a brilliant polonaise thunder forth. Count Potyomkin announces news of victory and reads an ode presented to him by a poet (written in the style of 17th century couplets). This is followed by a graceful minuet, in the course of which the Cossacks are presented to the Count (in some of the productions Catherine II takes the part of the Count in the dialogue with the Cossacks). Vakula begs for "the slippers worn by the queen herself" and is presented with them. Follow lively dances — a Russian dance and a Cossack dance (Ukrainian hopak).

The master of ceremonies announces the beginning of a play entitled "Prince Chlor or Rose without Thorns". The guests make their way to the theatre hall. Hiding the slippers under his shirt Vakula hurries out of the palace. The Devil takes him back to his home village, Dikanka.

ACT IV

A clear winter morning. The square in front of the village church is crowded with people. All are in high spirits. Only two women — Vakula's mother and pretty Oksana do not join in the merry-making. They are alarmed at the smith's disappearance.

Solokha cries and wails: "Oh, my child, the apple of my eye". No less emotional is Oksana's despair: "'Tis neither bright day nor feast for me". Both consider

Vakula dead. Their voices merge in a sorrowful duet, very much like a folk lament.

In the midst of this scene Vakula appears. He asks Chub's forgiveness and begs for Oksana's hand in marriage. Everything ends in general satisfaction. Oksana alone is confused at the sight of the royal slippers. "I do not need them!" she cries, "without them too..."

A bandore chorus and all present sing glory to the young couple celebrating youth and love. (The theme of this chorus was heard in the Overture).

LES SOULIERS DE LA REINE

Opéra de P. I. Tchaïkovski

Un opéra, d'après «La nuit d'avant le Noël», la fameuse nouvelle de Gogol, avait été commandé par la Société musicale russe (section de Pétersbourg) au compositeur Sérov. Toutefois, en 1871, ce dernier mourut brusquement avant d'avoir pu réaliser la commande.

En mémoire du musicien disparu, la Société ouvrit un concours pour la création d'un opéra appelé le «Forgeron Vakoula» toujours d'après Gogol. A ces fins, le poète Ya. Polonski écrivit un livret. Le jury était composé de hautes personnalités du monde musical et notamment de N. Rimski-Korsakov, N. Rubinstein, E. Napravnik, G. Laroche, N. Azantchevski; dans le courant d'août 1874, sept envois furent examinés, et le premier et le second prix (cumulés) furent décernés à l'unanimité à un musicien jeune, mais déjà connu, Piotr Tchaïkovski.

En 1885, alors qu'il était déjà un maître dans la pleine possession de ses moyens et avait écrit les opéras «Eugène Onéguine» (1877), «La Pucelle d'Orléans» (1879), «Mazeppa» (1883), Tchaïkovski remit le «Forgeron Vakoula» sur le métier; revoyant l'ensemble de la partition, il en modifia sensiblement l'harmonie et l'instrumentation, ajouta plusieurs scènes lyriques (duo d'Oksana et de Vakoula dans le second tableau) et burlesques (la chanson du maître d'école). Sous cet aspect définitif l'opéra fut appelé «Les Souliers de la reine». La première eut lieu au Théâtre Bolchoï de Moscou, le 19 janvier 1887. Et comme le chef attitré Altani était souffrant, ce fut Tchaïkovski lui-même qui en assumait la direction. Signalons que c'était là, la première fois que le musicien prenait la baguette. Ce n'est qu'en 1906 que «Les Souliers de la reine» allaient être montés sur la scène de Pétersbourg.

Si Tchaïkovski sut traduire le monde fantastique de Gogol, c'est son lyrisme, le thème de l'amour renversant tous les obstacles, qui lui ont surtout réussi.

Les scènes de Solokha et du Diable, la chevauchée fantastique de Vakoula sur les épaules du Diable et les multiples aventures fabuleuses nous donnent une musique proche du populaire, puisant avec bonheur dans le folklore. Le duo de Solokha et du Diable, au premier acte (duo: A cheval sur mon balai), empreint les accents d'un vif gopak ukrainien; l'épisode d'orchestre de la chevauchée de Vakoula se bâtit sur la même musique; les pleurs des ondines rappellent les lamentations folkloriques de jeunes filles. Le compositeur n'hésite pas à utiliser les intonations et rythme des chansons et des danses ukrainiennes, enrichissant l'oeuvre d'un fort parfum national.

OUVERTURE

L'ouverture présente très classiquement les principaux thèmes de l'opéra. Ses premières phrases s'inspirent du passage final de l'air d'Oksana (premier acte), soulignant en quelque sorte la raison principale des événements qui vont se dérouler, le caprice d'une belle exigeante. Ce morceau de lyrisme est remp-

lacé par une ample et lumineuse mélodie fort proche du chant ukrainien. Nous la retrouverons dans la scène finale de l'opéra, quand les joueurs de gousli et le chœur populaire viendront féliciter les jeunes époux. Ici, elle joue un rôle purement descriptif.

Dans la partie rapide de l'ouverture (Allegro) une musique fantastique et turbulente, suggérant les tours du Diable qui vient troubler la paix et la quiétude des villageois, s'entrecroise avec une mélodie émue — le thème de l'amour passionné du forgeron Vakoula pour la belle Oksana.

La lutte acharnée de ces deux thèmes se résout en une joyeuse et solennelle coda où réapparaît, désormais victorieuse comme un hymne lumineux au bonheur, la mélodie du chœur final.

PREMIER ACTE

Premier tableau.

L'introduction utilise la mélodie de la chanson lente de Solokha, suggérant le tableau poétique d'une claire nuit d'hiver.

Solokha, la mère du forgeron Vakoula et sorcière à ces heures, prétendent les mauvaises langues, songe à se divertir (chanson «Oh, que le clair de lune est lumineux»). Le Diable, qui s'est approché à pas de velours, lui donne une belle peur, mais tout aussitôt ils entament un délicieux entretien. La scène humoristique, où nous voyons le Diable émoustiller d'abord la magicienne du village qui se veut coquette, s'achève par un joyeux gopak à deux (duo: A cheval sur mon balai) lorsqu'il reconnaît en elle une vieille connaissance. Tous deux décident de faire un tour dans le ciel et de fêter à leur manière cette nuit de Réveillon.

Solokha s'enfuit chez elle tandis que le Diable se souvient tout d'un coup d'un vieil affront que lui fit un jour le rejeton de la sorcière, le peintre et le forgeron Vakoula; celui-ci n'avait-il pas dessiné sa silhouette à l'église, et d'une manière si détestable que tous les diables en rient jusqu'à maintenant. Pour se venger, le Diable décide d'appeler la bise; ainsi le vieux Tchoub ne pourra sortir ce soir et devra garder la maison avec sa fille Oksana; le vieil ivrogne ne manquera pas de caresser les côtes à Vakoula, le soupirant d'Oksana, qui passera assurément chez eux en cette veille de fête. Nous entendons les imprécations du Diable, ses invocations aux forces de la nature («Ohé, vous, les vents turbulents»), rappelant quelque chanson gaillarde de brigands.

La bise se met à souffler, évoquée par la musique. Simultanément s'élève la mélodie des malédictions démoniaques, reprise par l'orchestre et le chœur des esprits infernaux. La sorcière s'échappe par la cheminée, à cheval sur son balai; nous voyons le Diable se joindre à elle et dérober le croissant de lune. Tout disparaît dans l'obscurité. C'est à ce moment que débouchent Tchoub et Panas; passablement ivres, ils n'arrivent pas à retrouver le chemin qui doit les conduire à la veillée. Leurs voix sont couvertes par les mugissements du vent.

Deuxième tableau. La fille de Tchoub, la belle Oksana, est seule chez elle, assise auprès d'une table richement garnie dans l'attente des convives. On entend souffler la bise. Oksana est soucieuse: son père est dehors par ce mauvais temps... Elle entonne une contemplative chanson, «Le pommier fleurit dans le verger», rappelant une «doumka» ukrainienne. La jeune fille s'amuse à se regarder dans un miroir. «Qui d'autre a d'aussi beaux yeux, qui d'autre a de si belles nattes», chante-t-elle sans remarquer Vakoula qui vient d'entrer et fixe sur elle un regard chargé de tendresse. Oksana n'est guère gentille avec son soupirant, elle interrompt brutalement ses discours enflammés en se moquant de lui. En un ardent arioso, Vakoula avoue son amour. Nous avons déjà entendu cette mélodie («Hélas, que m'est ma mère, que m'est mon père») dans l'ouverture et nous la retrouverons plus d'une fois encore, symbole de son amour dévorant.

Soudain nous voyons arriver Tchoub, complètement ivre cette fois. Ne reconnaissant pas le maître de céans, Vakoula le met à la porte. Indignée comme bien l'on pense, Oksana semonce Vakoula. Avec une ardeur simulée, elle parle d'un

prétendu amour pour un autre. Dans un duo dramatique, Vakoula laisse s'exprimer toute sa douleur tandis que la coquette continue à le taquiner. On entend au loin une chanson joyeuse. Maudissant la cruelle, Vakoula s'enfuit. Arrivés sur la place les jeunes appellent Oksana à prendre part à la collecte du Réveillon mais celle-ci refuse. Demeurée seule, elle avoue aimer Vakoula mais que faire, au lieu de le câliner, elle le fait souffrir et se moque de lui...

DEUXIEME ACTE

Premier tableau. L'introduction, rappelant quelque scherzo fantasque et dynamique, nous introduit dans l'atmosphère des événements burlesques et étonnants du second acte.

Revenus de leur randonnée, Solokha et le Diable rentrent à la maison par le même chemin qu'ils ont emprunté pour sortir: la cheminée. Ayant à peine repris son souffle, la sorcière part aussitôt en imprécations, invectivant le vent qui a emporté son balai et le Diable importun.

Finalement tous deux arrachent un gopak endiablé, celui-là même dont la mélodie était apparue dans la partie animée de l'ouverture. Des diabolins sortent de la cheminée en soufflant dans toute sorte d'instruments, et la maison se métamorphose: des faces grimaçantes apparaissent sur le mur, tout se met à tourbillonner, même les potiches et les ustensiles de ménage.

Soudain on entend frapper. La danse s'arrête net. Cachant le Diable dans un sac, Solokha va ouvrir... au maire du village. Ses politesses sont lentes et mesurées, et Solokha lui répond de même, jouant à la pauvre veuve toute simple. Mais après avoir goûté le petit marc de la maison, le maire s'anime, esquisse un pas de danse et se met à jacasser sur un rythme accéléré du plus comique effet.

Mais on frappe encore à la porte. Cette fois-ci le maître d'école, ressemblant plutôt à un diacre. Son apparition est soulignée par un motif comique fait d'un son monocorde et d'un accent rappelant un soupir. Voilà qui campe d'une manière parfaite le nouveau soupirant de Solokha, gêneur et poltron. Le maître d'école entonne les couplets qu'il a composés spécialement à l'intention de la bonne femme («La mère est folle du Diable»), utilisant partiellement une mélodie religieuse qui fait contraste avec le contenu amoureux.

Il n'a pas encore achevé que l'on frappe de nouveau. Solokha n'a qu'une alternative: fourrer le maître d'école au comble de la frayeur dans un autre sac de charbon.

Cette fois l'hôte n'est autre que Tchoub, que Solokha ne déteste pas. Elle s'anime visiblement, lui offrant le boire et le manger, et jure qu'elle n'attendait que lui de toute la soirée. Mais encore une fois on frappe à la porte et Tchoub n'a que le temps de plonger dans le sac où se trouve déjà le maître d'école.

«Maman, ouvre!» entend-on la voix de Vakoula. C'est le début d'un quintette animé du plus comique effet: les uns après les autres les têtes angoissées des soupirants de Solokha surgissent des sacs tandis que le Diable se moque d'eux et que Solokha tâche de les tranquilliser.

Vakoula, plein de chagrin, ne pense qu'à Oksana (l'orchestre reprend le thème amoureux).

«Je pensais que tu passerais la nuit à la forge», s'étonne Solokha, pour sortir de ce pas délicat. Vakoula, qui n'y voit pas d'inconvénient, décide d'emporter les sacs de charbon éparpillés dans la pièce. Il est fort étonné de les trouver si lourds. Aurait-il perdu sa force légendaire, ou sont-ce ses déboires sentimentaux qui le mettent dans cet état!

Le tableau s'achève sur le bel et triste arioso de Vakoula, constitué de deux parties successivement répétées à deux reprises: la mélodie élégiaque «Ah, je n'aime plus ma maison natale» et un épisode plus récitatif «De quoi ai-je l'air maintenant», accompagné d'une manière de scherzo léger et élégant. Hissant les sacs sur son dos, Vakoula sort.

Deuxième tableau. Entre temps, le village nocturne s'est rempli de chansons, les garçons et les filles vont de maison en maison, tandis que les vieillards prettent l'oreille à leurs belles chansons. D'un coup, toute la rue s'emplit d'une foule bruyante de jeunes. Oksana paraît également, minaudant une chansonnette moqueuse dont elle voudrait agacer Vakoula. D'ailleurs, voici le forgeron lui-même, avec ses sacs. C'est à ce moment qu'Oksana aperçoit les nouveaux souliers d'une de ses amies. Ils lui plaisent si fort que Vakoula jure d'en lui trouver de plus beaux. Se moquant une fois de plus, la jeune fille exige qu'il lui trouve «des souliers comme en porte la reine». Prenant la foule à témoin, Oksana donne sa parole qu'à cette condition elle acceptera de devenir la femme du forgeron. Le court arioso d'Oksana disparaît dans le rire général, les plaisanteries, les jeux. Seul Vakoula demeure tristement au milieu de la rue, ayant déposé les sacs et ne gardant à la main que le plus petit, où se trouve le Diable. Réjoignant le forgeron, Oksana entonne une délurée chanson de ronde, «les petits souliers qui ne sont pas grands», reprise en chœur par les jeunes. La foule endimanchée danse et rit autour de Vakoula. Finalement le jeune homme n'y tient plus, et donnant libre cours à ses sentiments, il fait ses adieux à Oksana, bien résolu à se tuer. Le duo de Vakoula et d'Oksana abonde de contrastes plaisants. Les répliques insouciantes de l'une et le discours pathétique de l'autre se confondent en une seule harmonie.

Vakoula s'éloigne, tandis que les jeunes ouvrent les sacs demeurés sur la route, pensant y trouver quelque chose de bon. L'étonnement est général lorsque c'est Tchoub, le maître d'école et le maire en personne qui en sortent.

— Ah! Je vous ai bien eu, s'exclame Tchoub, qui ne perd pas le nord.

TROISIEME ACTE

Premier tableau. La musique suggère un paysage hivernal fantastique et solennel. Voici les berges d'une rivière ligée par les glaces, les lourdes branches des sapins; le givre d'argent rend tout cela encore plus merveilleux. Mais la nature n'en continue pas moins à vivre de sa vie secrète. Un chant plaintif parvient à nos oreilles: «Comme il fait sombre, sombre, oh, qu'il fait sombre», se lamentent sous la glace les tristes ondines. Le vieux sylvain les rabroue brutalement, mais elles n'en continuent pas moins à gémir.

C'est ici, au bord de l'étang, que Vakoula est venu avec son sac sur l'épaule, l'âme déchirée.

Le forgeron a résolu de se noyer et, faisant ses adieux à Oksana, il entonne un air plein de détresse («L'entend-il, jeune fille, ton cœur»), très proche de la chanson ukrainienne. Seul l'écho lointain lui répond.

Soudain le Diable fait irruption de son sac; il propose à Vakoula d'échanger son âme contre Oksana. Vakoula fait mine d'accepter, puis, empoignant le Diable par la queue, il le couvre de signes de croix et le réduit à sa merci. Le Diable est prêt à tout et le forgeron lui ordonne de le mener à Pétersbourg pour y trouver les souliers de la reine.

La musique qui accompagne la chevauchée fantastique de Vakoula et du Diable, un gopak frénétique, développe le thème du premier tableau du premier acte «À cheval sur mon balai».

Deuxième tableau. Nous sommes dans l'antichambre du palais impérial. Un groupe des Zaporogues doit être présenté à Catherine II. C'est ici que le Diable dépose Vakoula, tout en faisant le nécessaire pour que le forgeron puisse se mêler aux Zaporogues.

Troisième tableau. Le bal impérial bat son plein. Une somptueuse polonaise fait trembler les lustres. Le Favori annonce une victoire militaire et lit une ode, offerte en présent par un poète. Le poème, écrit dans l'esprit des madrigaux du XVIIIe siècle, cède la place à un élégant menuet pendant lequel on présente les Zaporogues au Favori (quelquefois c'est Catherine II en personne qui paraît dans

cette scène et elle tient le rôle du Favori durant le dialogue). Se payant d'audace, Vakoula demande les souliers de l'impératrice. On ne saurait refuser une quête aussi saugrenue. La scène s'enchaîne par des danses joyeuses et animées, danse russe puis ronde des Zaporogues (gopak ukrainien).

Le majordome annonce le début de la représentation: «Le prince Chlore ou la Rose sans épines». Les hôtes se dirigent vers la salle de théâtre. Vakoula, cachant les souliers sous le revers de son surtout, se hâte de quitter le palais. Reprenant sa monture, le Diable, il file au village.


QUATRIEME ACTE

Le matin s'allume, riant et lumineux. La place de l'église est noire de monde. Tout le monde est joyeux à Dikanka, et seules deux femmes n'arrivent pas à trouver. Solokha pleure et se lamente: «Oh mon petit poussin, ma petite pomme dorée!». La détresse d'Oksana n'est pas moins bruyante: «Ce jour n'existe pas pour moi, ni cette fête, ni cette joie!». Elles croient toutes deux que Vakoula s'est noyé et leurs voix se confondent en un duo désespéré, semblable à des lamentations populaires.

Au plus fort de la fête arrive Vakoula. Sur-le-champ, il s'adresse à Tchoub, lui demandant pardon et le suppliant de lui accorder la main d'Oksana. Tout s'achève par une réconciliation générale, sans autre incident que les protestations d'Oksana à la vue des souliers de la reine. «Je n'en ai pas besoin, pas besoin, assure-t-elle, de toute façon...».

Le chœur des bardes, auquel se joint bientôt tout le peuple, glorifie le jeune couple, chante la victoire de la jeunesse et de l'amour, reprenant le thème que nous avions entendu dans l'ouverture.

Заказ № 762. Тираж 3.000. Типография Министерства культуры СССР.
Столешников пер., 2
Внешторгиздат. Заказ № 686р

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО  33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

TV-43.10.1.74
1 (6 сторон)
33CM-04401(a)

MADE IN USSR
Вторая гр.

П. ЧАЙКОВСКИЙ
P. TCHAIKOVSKY (1840—1893)
THE SLIPPERS, opera in four acts
Libretto by Ya. Polonsky after N. Gogol's
story "Christmas Eve"
Overture, Act I, Scene I
The street in the village, Dikanka
L. SIMONOVA (Solokha)
O. KLENOV (The Devil), A. KRIVCHENYA (Chub)
I. KARTAVENKO (Parnas)
Moscow Radio Great Choir and
Symphony Orchestra
Conductor V. FEDOSEYEV

TV-43.10.1.74

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО  33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

TU-43.10.1.74
2 (6 сторон)
33CM-04402(a)

MADE IN USSR
Вторая гр.

П. ЧАЙКОВСКИЙ
P. TCHAIKOVSKY (1840—1893)
THE SLIPPERS, opera in four acts
Act I, Scene II
At Chub's cot
K. LISOVSKY (Vakula), A. KRIVCHENYA
N. FOMINA (Oksana)
Moscow Radio Great Choir and
Symphony Orchestra
Conductor V. FEDOSEYEV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО  33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

TU-43.10.1.74
3 (6 сторон)
33СМ-04403(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

П. ЧАЙКОВСКИЙ
P. TCHAIKOVSKY (1840-1893)
THE SLIPPERS, opera in four acts
Enir'acte
Act II. Scene III
At Solokha's cot
K. LISOVSKY, A. KRIVCHENYA
G. TROITSKY (The Mayor)
O. KLENOV, L. SIMONOVA
V. MAKHOV (The school-teacher)
Moscow Radio Great Choir and
Symphony Orchestra
Conductor V. FEDOSEYEV

33СМ-04403(а)

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО  33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

TU-43.10.1.74
4 (6 сторон)
33CM-04404(a)

MADE IN USSR
Вторая гр.

П. ЧАЙКОВСКИЙ
P. TCHAIKOVSKY (1840—1893)
THE SLIPPERS, opera in four acts
Act II, Scene IV
The street in the village, Dikanka
Entr'acte
Act III, Scene V
On the bank of the river
K. LISOVSKY,
I. BUDRIN (The wood-goblin)
Moscow Radio Great Choir and
Symphony Orchestra
Conductor V. FEDOSEYEV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО  33

ТУ 43.10.1.74
5 (6 сторон)
33СМ—04405(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

П. ЧАЙКОВСКИЙ
P. TCHAIKOVSKY (1840—1893)
THE SLIPPERS, opera in four acts
Act III, Scene V (the end)
Scene VI, A room in the palace
Scene VII, A hall in the palace
K. LISOVSKY, O. KLENOV
A. POLYAKOV (The Count)
V. SELIVANOV (Master of ceremonies)
V. GODUNOV (An old Zaporozhye Cossack)
V. RYBIN (A man on duty)
Moscow Radio Great Choir and
Symphony Orchestra
Conductor V. FEDOSEYEV

33СМ—04405/4

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО  33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
6 (6 сторон)
33СМ—04406(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

П. ЧАЙКОВСКИЙ
P. TCHAIKOVSKY (1840—1893)
THE SLIPPERS, opera in four acts
Act III. Scene VII (the end)
Act IV. Scene VIII
The square in front of the village, Dikanka
K. LISOVSKY, A. KRIVCHENYA
O. KLENOV, L. SIMONOVA
N. FOMINA, I. KARTAVENKO, G. TROITSKY
Moscow Radio Great Choir and
Symphony Orchestra
Conductor V. FEDOSEYEV